

СОЗЫКИНА Екатерина Эдуардовна

аспирант кафедры международного права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье дается обзор исторических и экономических факторов, которые приводят к расширению компетенции Европейского союза в области научных исследований и разработок. Эволюция экономической теории и переход к экзогенной модели экономического роста повысил роль участия общественности. Данный тезис подтверждается основными доктринальными работами в этой сфере. Также анализируются основные источники компетенции Европейского союза, в том числе договоры, регламенты и директивы и некоторые применимые (с авторской точки зрения) решения Европейского суда.

Ключевые слова: научно-техническая политика, экономический рост, эндогенный рост, экзогенный рост, компетенция, Европейское научное пространство

Созыкина Е. Э.

SOZYKINA Ekaterina Eduardovna

postgraduate student of International Law sub-faculty of the National Research University «Higher School of Economics».

DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN UNION COMPETENCE IN THE R&D. HISTORICAL AND ECONOMICAL CONTEXT

This article gives an overview of the historical and economic factors that lead to the enlargement of the European Union competence in the field of research and development. Evolution of the economic theory and transition to exogenous model of economic growth increased the role of public involvement. This thesis is supported by basic doctrinal works in this filed. Main sources of the European Union competence are analyzed as well. This includes Treaties, Regulations and Directives and some relevant (to authors point of view) ECJ decisions.

Keywords: science and technological policy, economic growth, endogenous growth, exogenous growth, competence, European Research Area.

Современная научно-техническая политика ЕС, предметом которой является знание, условия его создания и движения, имеет свой первоисточник в экономической теории, в частности в теории эндогенного экономического роста, которая получила широкое признание в 80-х и является преобладающей в экономиках европейских стран сегодня. Анализ того, как накапливаются и защищаются знания, позволяет объяснить существующие разрывы в производительности между странами и спрогнозировать их дальнейшее развитие¹.

Процесс построения научно-технической политики в Европейском союзе занял около 60 лет. Она началась как совместные действия отдельных государств-членов по регулированию промышленного, научного и технологического развития и представляет сегодня развитые национальные политики, многогранные рамочные программы Союза, а также работающие межгосударственные схемы кооперации.

Научно-техническая политика Европейского союза может быть охарактеризована как комплекс мер, направленных на научно-техническое развитие, осуществляемых Союзом в рамках своей компетенции, переданной Союзу государствами-членами. Для целей настоящей статьи исследовательская, научная, инновационная политики, политика исследований и технологического развития рассматриваются как составные части научно-технической политики. Этот подход признается

исследователями права Европейского союза². Основной концепцией научно-технической политики является то, что Союз не может реализовать свой научно-технический потенциал, если меры государств-членов и Союза не скоординированы. Это подтверждено показателями экономического роста, указывающими на существование «технологического разрыва» между европейскими странами и другими акторами мирового рынка³. Преодолеть данный разрыв – основная цель научно-технической политики. Впервые этот подход нашел отражение в информационном письме Европейской комиссии «На пути к Европейскому научному пространству»⁴. В частности, было указано на то, что политики государств-членов «совпадают, не образуя единое целое»⁵. Причиной этого является недостаточно четкое разграничение компетенции Союза. Основной специальной задачей научно-технической политики Союза является создание Европейского научного пространства. В глобальном контексте достижение Европейского научного пространства должно способствовать укреплению экономики Союза и переходу к экономике, основанной на

1 Майсснер Д. Экономические эффекты «Перетока» результатов научно-технической и инновационной деятельности // Форсайт. 2012. № 4. С. 22.

2 Tindemans P. (2009), Post-war Research, Education and Innovation Policy-making in Europe, ch. 1 in , European Science and Technology Policy, Edward Elgar Publishing. С. 3.

3 Ali El-Agraa, The European Union Economics and Policies, 8th Edition, Cambridge University Press, Aug 9, 2007. P. 270.

4 Brussels, 18.1.2000 COM(2000) 6 final Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions towards a European research area

5 Там же С. 7.

знаниях. Европейское научное пространство по отношению к исследованиям, инновациям и результатам интеллектуальной собственности эквивалентно общему рынку по отношению к товарам, работам, услугам, капиталу и рабочей силе.

К правовым мерам европейской научно-технической политики можно отнести: установление общих принципов, целей и стратегий научно-технического развития, находящихся отражение в рамочных программах и стратегиях развития; использование специальных финансовых инструментов (например, блоковых исключений в отношении консорциумов, субъектов, занимающихся научно-техническими разработками, предусмотренных ст. 81 Договора о Европейском союзе⁶, прямое субсидирование Союзом проектов, имеющих стратегическое значение для развития Союза и т.д.); унификацию и гармонизацию правового регулирования результатов интеллектуальной собственности, в целях устранения барьеров при осуществлении научно-технической деятельности.

1. Взаимосвязь экономического роста и научно-технического развития

Научно-техническая политика берет свое начало в Договоре о создании европейского объединения угля и стали, подписанном в Париже в 1951 г.⁷ Положения ст. 55 Договора наделили Союз размытой компетенцией способствовать техническим и экономическим исследованиям, относящимся к производству угля и стали, охране труда на производстве и стимулировать взаимодействие субъектов, занимающихся такими исследованиями.

Процесс уточнения и спецификации компетенции Союза по установлению научно-технической политики ЕС начался в пятидесятых и занял около шестидесяти лет в связи с тем, что государства-участники не посчитали возможным ослабить контроль над национальными индустриальными политиками⁸. В результате на протяжении этих шестидесяти лет на уровне Союза действовала политика невмешательства в суверенитет государств-членов по регулированию научно-технического развития. Расширение компетенции Союза по регулированию научно-технического развития произошло в восьмидесятых, в связи с повсеместным признанием европейскими странами теории эндогенного экономического роста, которая закрепляет центральное место за научно-техническим развитием, ставя знак равенства между экономическим ростом и технологическим прогрессом. Экономическая теория определяет научно-техническую политику как любое избирательное вмешательство публичных институтов в рыночные отношения, которое преследует цель направить производство в те отрасли, которые в результате такого вмешательства раскроют свой потенциал, чего не произошло бы, если бы такого вмешательства не было. Поэтому соотношению научно-технической и экономической политик, а также пределам вмешательства публичных образований⁹ в рыночные отношения уделяется значительное внимание при осуществлении научно-технической политики Союзом. Что в свою очередь нашло

отражение в принципе субсидиарности, соблюдение которого необходимо при реализации Союзом своей компетенции по регулированию научно-технического развития.

Установление непосредственной взаимосвязи между научно-технической политикой и показателями экономического роста расширило компетенцию Союза в рассматриваемой нами области. Эффективность проводимой политики определяется показателями экономического роста. Существуют различные подходы к определению экономического роста. Рассмотренный нами подход связывает экономический рост с технологическим развитием и улучшением качества жизни и благосостояния индивидов.

Появление понятия экономического роста можно отнести к Английской промышленной революции XVIII в., позже промышленные революции распространились в странах Европы и Америки. В этот период происходил невиданный прежде экономический рост. Экономисты определяют экономический рост продуктом капитализма и свободного рынка¹⁰. Впервые теоретическое осмысление явления было предложено основателем современной макроэкономики английским экономистом Джоном Мейнардом Кейнсом в 1930-х гг. А сама модель экономического роста была сформулирована американским экономистом Робертом Солоу в 1957 г. Экономический рост в модели Солоу основан на двух факторах: работе и капитале. Таким образом, производство происходит исключительно из комбинации определенного капитала (или средств производства) и работы (рабочей силы). Для того, чтобы происходил экономический рост, необходимо, чтобы эти показатели росли в одинаковом темпе. Технический прогресс по Солоу – любой вид изменений в функции производства. Солоу провел расчет экономического роста США за период с 1909 по 1949 г. и пришел к выводу о том, что 87.5 % экономического роста осуществилось за счет технического прогресса¹¹. То есть можно сделать вывод о том, что экономический рост в долгосрочном периоде вытекает из технологического прогресса. Однако Солоу оставляет рассмотрение технологического прогресса за пределами экономического роста в качестве внешнего (экзогенного фактора), так как предполагает наличие внешних ненациональных факторов, которые влияют на развитие.

На основе модели Солоу в 80-х гг. появилась новое течение в разработке теории экономического роста – теория эндогенного роста. В частности, эта теория была разработана Полом Ромером, Робертом Лукасом и Робертом Барро. Для данной статьи большое значение имеет тот факт, что теория эндогенного роста признает технологический прогресс фактором экономического роста, который произведен внутренними причинами. До появления теории эндогенного роста механизмы технологического прогресса и причины его появления не объяснялись внутренними причинами. После 80-х же эндогенная теория экономического роста объясняет технологический прогресс накоплением знаний через обучение на практике, фундаментальные научные исследования, инновации методов производства и инновации продуктов, улучшение качества продуктов.

Описанные выше теории экономического роста являются относительно недавними в теории экономической мысли¹².

6 Official Journal C 326, 26/10/2012 P. 0001 – 0390, Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union – Consolidated version of the Treaty on European Union – Protocols – Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007.

7 Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) (подписан в г. Париже 18.04.1951) (с изм. и доп. на февраль 1986 г.), ст. 55.

8 Glekler G., Junius L., Scappucci G., Guide to EU Policies, L., 1998. С. 18.

9 Прим. автора: для целей настоящей статьи государственное вмешательство определено как публичное вмешательство.

10 Охлопкова Н. В., Харитонов М. И. Экзогенный и эндогенный экономический рост две разные парадигмы? // Известия ВолгГТУ. 2014. №4 (131). С. 29–36.; С. 31.

11 Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function / R. Solow // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39, №. 3. P. 312–320.

12 Охлопкова Н. В., Харитонов М. И. Экзогенный и эндогенный экономический рост две разные парадигмы? // Известия ВолгГТУ.

Они привели к выдвиганию на первый план роли технического прогресса в экономическом росте, объясняя его через поведение экономических агентов. Как было отмечено выше, эндогенная теория экономического роста возлагает на публичные институты определенные задачи, оправдывая, таким образом, вмешательство Союза в национальные компетенции.

2. Степень публичного присутствия в регулировании научно-технического развития

Как известно, интеграция европейских сообществ началась с объединения рынков угля и стали. 9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Роберт Шуман предложил объединить производство угля и стали во Франции и Германии в один рынок и призвал другие европейские страны присоединиться к инициативе. Этот проект, основанный на идее Жана Монне, состоял в том, чтобы создать наднациональный орган, который в отличие от Совета Европы будет обладать реальной властью в ограниченной экономической области. Эта идея была основана на так называемом функциональном подходе Д. Митрани, то есть переходе от системы государств к международному сообществу¹³. Такой интеграционный процесс развивается под влиянием общественных потребностей и технологических перемен¹⁴. Определяющая стратегия заключается в том, чтобы сместить фокус внимания от политических проблем к техническим вопросам и задачам, которые не вызывают разногласий¹⁵. Бельгия, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Федеративная Республика Германия поддержали инициативу и создали Европейское объединение угля и стали, Договор о котором вступил в силу в июле 1952 г. Договор обозначил первый шаг по направлению к общему рынку, а также первый шаг по направлению к научно-техническому сотрудничеству. Положения ст. 55¹⁶ отражали исследовательские цели Объединения — «проведение технологических и экономических исследований по вопросам производства и растущего использования угля и стали, а также по вопросам охраны труда в угольной и сталелитейной промышленности». Здесь также говорилось об организации необходимых контактов между существующими исследовательскими организациями, содействии проведению таких исследований посредством организации совместного финансирования проектов заинтересованными предприятиями. Результаты исследований, финансируемых согласно положениям Договора таким образом должны были быть доступны для всех заинтересованных лиц в Объединении. Высший руководящий орган имел право выносить любые заключения, которые служили бы более широкому распространению знаний о технических усовершенствованиях, особенно в том, что касалось обмена патентами и предоставления лицензий для их использования¹⁷. Таким образом, Договор не только заложил основу для общего рынка, но и содержал первые шаги по направлению к научно-технической кооперации между шестью государствами-ос-

нователями (Германией, Францией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами и Италией).

На момент объединения рынков угля и стали французские и немецкие горнодобывающие компании в основном состояли в консорциумах¹⁸, которые попали под запрет, установленный ст. 65 Договора. То есть, «запрет на установление и определение цен, ограничений или контроля за производством, техническим прогрессом или инвестированием, запрет раздела рынков, видов продукции, потребителей или источников снабжения...» Во исполнение положений параграфа 2 ст.12 Конвенции о переходных положениях в связи с присоединением к Договору об учреждении Европейского объединения угля и стали, Высший руководящий орган Объединения уведомил компании региона Рурского бассейна в мае 1954 о необходимости упразднения объединения угледобывающих компаний [Gemeinschaftsorganisation Ruhrkohle GmbH (GEORG)], основной организации в данной отрасли до установления единого рынка угля. Помимо этого, были также установлены ряд ограничений отправления фундаментальных экономических прав для недопущения существования и создания консорциумов. В частности, в суде анализировались ограничения, обязывающие прямых поставщиков угля заключать двухлетние контракты на объемы как минимум 6 000 метрических тонн в год для локального сектора или сектора небольших потребителей. Это количество значительно превышает обычные годовые продажи в секторах этих категорий некоторых компаний и делает невозможной работу с угледобывающими компаниями напрямую.

Ряд компаний, входивших в консорциумы, подали иск в Суд Сообщества о нарушении их фундаментальных прав — права на собственность, права на занятие коммерцией и ведение торговли.

Суд дал обширный анализ и ответил следующим образом. Фундаментальные права являются неотъемлемой частью общих принципов права, как следствие, неотъемлемой частью принципов Сообщества¹⁹. Экономические права таковы по своей природе, что должны соответствовать социальной функции собственности и должны рассматриваться в контексте осуществляемых с собственностью действий. Поэтому, несмотря на конституционную защиту, права, имеющие такую природу, могут быть ограничены, в частности, общественным интересом общества, при условии сохранения фундаментальной целостности прав. В контексте Сообщества общественный интерес находит отражение в целях Сообщества, определенных в учредительных документах. Защита фундаментальных экономических прав не ограждает от рисков, связанных с осуществлением этого права. К данным рискам в рассматриваемом деле Суд отнес изменившиеся экономический и правовой контексты. Цели сообщества в данном деле заключаются в создании единого и равномерного рынка, для этих целей национальные компетенции могут быть ограничены.

Исследователи права ЕС отмечают, что на сегодняшний момент, компетенция Союза в сфере научно-технического развития очерчена недостаточно четко. Поэтому, несмотря на увеличение финансирования научно-технической кооперации и расширение сфер ее применения, Союзу так и не удалось избавиться от фрагментации проводимых исследований и построить мост между фундаментальными и прикладными исследованиями. Одной из основных причин этого являет-

2014. № 4 (131). С. 29–36.; С. 35

13 Grabert M. EU-Kompakt: Historische, rechtliche und institutionelle Rahmenbedingungen der europäischen Forschungsförderung, Bonn/Brüssel: Kooperationsstelle EU der Wissenschaftsorganisationen (KoWi), KoWi Paper, Mai 2005. P. 12.

14 Юмашев Ю. М., Постникова Е. В. Экономическое право Европейского союза. М., 2014. С. 4.

15 Европейская интеграция: учебник / под ред. О. В. Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. С. 34.

16 Договор об учреждении европейского объединения угля и стали (ЕОУС) (Подписан в г. Париже 18.04.1951) (с изм. и доп. на февраль 1986 г.)

17 Там же, ст. 55

18 France, Germany and the New Europe, 1945-67 Hardcover – July, 1968 by F.Reg Willis (Author) P. 219–220, 224, 229, 231.

19 Пункт 2 Решения.

ся недостаточно четкое определение компетенции Союза по установлению научно-технической политики. Компетенция Союза в данной сфере определяется на основании положений первичного права и уточняется различными методами. К таким методам можно отнести: общую теорию права и экономической мысли, а также многочисленную судебную практику. Вышеописанное судебное дело о консорциумах в Рурской области является первым, в котором был дан анализ норм первичного права и прокомментированы пределы компетенции. Такой метод прояснения компетенции союза по регулированию научно-технического развития является достаточно частным и, как правило, связан с принятием того или иного Регламента или Директивы.

Другим ярким примером может быть анализ, приведенный в Решении по делу C-350-92, где решался вопрос о наличии достаточной компетенции у Сообщества для принятия Регламента, устанавливающего нормы, регулирующие права интеллектуальной собственности²⁰ — дополнительную сертификацию лекарственных средств при выходе на рынок²¹. Суд проанализировал подлежащие тогда применению нормы Договора, учреждающего Европейский союз (Римский Договор), а именно статьи 36 и 222. Статья 36 наделяла ЕС компетенцией по ограничению внутреннего рынка при наличии угрозы общественной морали, порядку, государственной безопасности и так далее. Статья 222 определяла, что Договор не затрагивает нормы, регулирующие системы собственности в государствах — членах ЕС, которые находятся в компетенции государств-членов. Ни положения ст. 222, ни положения ст. 36 прямо не закрепляли за Союзом полномочий по установлению норм патентного права, дополняющих национальные нормы, однако и не налагали запрет на такую деятельность. Суд делает вывод, что положения ст. 222 о том, что Договор никоим образом не предвосхищает норм, регулирующих режим собственности в государствах-членах, не создают исключительной компетенции государств-членов в отношении регулирования промышленной и коммерческой собственности. Такое толкование нормы конфликтовало бы с принципами свободного перемещения товаров в едином рынке и исключило бы полномочия Европейского союза по регулированию внутреннего рынка. Статья 36, которая обеспечивала применение статей 30 и 34 (устранение количественных ограничений), не исключала запретов и ограничений импорта, экспорта и транзита, обоснованных соображениями защиты промышленной и торговой собственности. Данная статья толкуется следующим образом: вопросы промышленной и торговой собственности отнесены к исключительной компетенции государств-членов, однако допускается установление ограничений и исключений, соответствующих целям, изложенным в данной статье. Представив такое толкование, суд приходит к выводу о том, что Союз обладает достаточной компетенцией для принятия Регламента № 1768/92²² о введении дополнительного сертификата охраны лекарственных препаратов, который помимо дополнительной сертификации продлевает срок действия патента на срок, необходимый для прохождения дополнительной сертификации. Помимо анализа норм права Союза, Суд приводит контекст, в котором этот Регламент был при-

нят — усиление правовой защиты лекарственных препаратов патентным правом некоторых государств — членов. Назначение Регламента — предотвратить неоднородные тенденции в регулировании патентных прав, которые потенциально могут создать ограничение свободного перемещения лекарственных препаратов на внутреннем рынке. Суд также установил, что, принимая Регламент, Союз действует в соответствии с исключениями, предусмотренными ст. 100А, которая позволяет Совету, имея квалифицированное большинство, принимать различные нормативно-правовые акты, включая регламенты, с целью гармонизации законов государств-членов и обеспечения свободной торговли внутри Союза.

Помимо всего прочего, этот Регламент значительно затрагивает общественные интересы. Основным его предназначением является разработка сиротских лекарственных средств²³. Преамбула Директивы 141/2000 объясняет социальную значимость Регламента. Ряд заболеваний возникают крайне редко. К таким заболеваниям в ЕС относят врожденные и приобретенные заболевания, частота которых не превышает пяти случаев на 10 тысяч больных. Такая частота заболеваний делает расходы на разработку и вывод на рынок лекарств для их лечения крайне высокими. Поэтому в существующих рыночных условиях фармацевтическая индустрия, как правило, не занимается разработкой таких лекарственных средств²⁴. Однако и пациенты с распространенными заболеваниями, и пациенты с редкими заболеваниями равны в правах. Ресурсы для проведения исследований таких заболеваний и выходы на фармацевтический рынок лекарственных средств в США доступны с 1983, в Японии с 1993 и в ЕС 1999 г. в результате принятия соответствующих законов²⁵. Данный пример с сиротскими лекарственными средствами — яркий пример тех мер, которые будут иметь больший эффект, если они проводятся на уровне Союза, а не на уровне отдельных государств-членов. При принятии этого решения Комиссия проанализировала опыт США и Японии:²⁶ «опыт регулирования данного вопроса США и Японией показывает, что самой сильной мотивацией при проведении таких исследований для индустрии стало предоставление монополии на рынке на тот период времени, который позволит окупить инвестированные в разработку и вывод на рынок средства». Статья 8 Директивы определяет условия предоставления такой монополии и границы ее осуществления. Без изменения режима правовой защиты интеллектуальной собственности, без внесения других изменений в законодательные акты Союза, Союз и государства-члены обязуются на период в 10 лет не принимать других заявок на выдачу разрешений на выход на рынок, либо выдавать разрешения на выход на рынок, либо продлевать такие разрешения в отношении препаратов, которые подлежат применению при одинаковых клинических показаниях. Монопольный период может быть сокращен с 10 до 6 лет, если по истечении первых 5 лет будет установлено, что критерии целевого назначения (установленные в ст. 3) больше не соблюдаются, а также если станет ясно, что доход, получаемый от реализации продукта на рынке, превосходит минимальную окупаемость.

Суд также обратил внимание на то, что на момент принятия Регламента законы о дополнительной сертифика-

20 Регулирование которых на 1992 г. практически полностью осуществлялось на уровне государств-членов.

21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61992CJ0350>

22 Council Regulation (EEC) No 1768/92 of 18 June 1992 concerning the creation of a supplementary protection certificate for medicinal products.

23 Orphan Drugs «Regulation(EC) No 141/2000» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:018:0001:0005:en:PDF> (дата обращения: 20.01.2016).

24 Там же параграф 1 Директивы.

25 Там же параграф 2 Директивы.

26 Там же параграф 8 Директивы.

ции действовали в двух государствах-членах, и еще одно государство-член рассматривало такой законопроект. Механизм дополнительной сертификации призван уравнивать сроки защиты лекарственных средств в Союзе, чтобы избежать фрагментации рынка, когда срок защиты в одном государстве истек, а в другом патент продолжает действовать. То есть существует риск возникновения конкуренции между производителями-владельцами оригинальных патентов и производителями дженериков²⁷. По мнению Суда, введение дополнительной сертификации лекарственных средств соблюдает баланс интересов владельцев патентов, с одной стороны, и потребителей и индустрии не запатентованных лекарственных средств, с другой стороны.

Подход, сформулированный в данном Решении, в последующем найдет отражение в реформе европейской патентной системы и создании Унитарного патента и Суда. В частности, один из аргументов суда в пользу обоснованности мер Союза состоял в том, что большая часть срока патентной защиты тратится на административные процедуры и вывод патента на рынок. Этого срока не хватает, чтобы окупить понесенные издержки.

Интересно, что Испания традиционно выступает против проведения гармонизации правового регулирования интеллектуальной собственности и использует более узкий подход к определению компетенции Союза. Выступая заявителем по этому делу, Испания настаивала на том, что Союз не наделен компетенцией регулировать патентное право по существу и может только осуществлять гармонизацию в соответствии с целями, прямо установленными в первичном праве. А в рассматриваемом случае, во-первых, такие меры не могут вносить изменения в сроки патентной защиты. Срок патентной защиты является одним из основных свойств патента, так как определяя время действия права, осуществляет баланс прав и обязанностей владельца патента по отношению к обществу. Во-вторых, создает новое право промышленной собственности. Однако Суд подошел к толкованию компетенции Союза более широко.

Вопрос об определении компетенции Союза по регулированию интеллектуальной собственности возникал и в других делах, рассмотренных Европейским судом. В основном эти дела связаны с нарушением антимонопольного законодательства и были рассмотрены до принятия Лиссабонского договора, поэтому компетенция Союза определялась через право и обязанность союза обеспечивать свободный рынок.

3. Заключение

Эрнст-Людвиг Виннакер, Президент немецкого научно-исследовательского сообщества в период с 2007 по 2009 г., отмечает²⁸, что на 2012 г. европейская научно-исследовательская политика представляла собой разрозненный набор инструментов государств-членов и Союза. Виннакер также отмечает неэффективность проводимых программ финансирования в научно-технический сектор ввиду дискоординированных действий государств-членов между собой, и государств-членов с Союзом. Одну из причин такой фрагментации Вииннакер видит в том, что принцип субсидиарности, длительное время являвшийся основным механизмом реализации научно-технической политики Союзом, недостаточно четко очерчивает компетенции государств-членов по реализации своих научно-технических политик и позволяет применить широкое тол-

кование компетенции Союза по регулированию научно-технического развития, что приводит к дубликации мер, и, как следствие, снижению их эффективности. Это подтверждается приведенной выше судебной практикой.

В данной статье используется широкий подход к определению компетенции. Компетенция может быть определена как все полномочия, осуществляемые Союзом, которые оказывают влияние на то, что происходит в государствах-членах. Для того, чтобы очертить компетенцию Союза необходимо проанализировать все сферы, где Союз имеет возможность действовать, включая полномочия принимать нормативно-правовые акты и акты другого характера, либо предпринимать любые другие действия, а также и те случаи, когда первичное право обязательно к применению государствами-членам без дополнительных действий институтов Союза.

Основным источником компетенции Союза в сфере научно-технического развития является первичное право. Первичные Договоры являются базой любых действий, которые может осуществлять Союз. Союз может действовать только в границах компетенций, возложенных на него. В случае если компетенция не возложена на Союз, она остается за государствами-членами.

В праве Европейского союза выделяют три вида компетенций: исключительную, совместную и вспомогательную. Действуя в рамках любой из этих компетенций, Союз должен соблюдать основные права и свободы человека, принципы субсидиарности и пропорциональности. Компетенция Союза по регулированию научно-технического развития может быть охарактеризована как «гибридная» в связи со следующим.

Положения статьи 173 ДФЕС закрепляют за Комиссией возможность проводить консультации с государствами-членами и предпринимать любые другие инициативы, необходимые для содействия координации государств-членов между собой, в частности, инициативы по установлению ориентиров, по организации обмена передовой практикой и по подготовке необходимых материалов для осуществления мер, необходимых для обеспечения условий для конкурентной способности промышленности Союза. Наоборот, ст. 4 ДФЕС определяет, что ЕС и государства-члены осуществляют совместную компетенцию в отношении научно-технического развития и космоса, однако в противоположность определению «стандартной» совместной компетенции, параграф 3 ст. 4 определяет, что компетенция Союза в данной сфере не ограничивает компетенций государств-членов. Т.е. дает государствам-членам право принимать любые меры на национальном уровне, вне зависимости от того, были ли приняты Союзом меры в этой сфере. Такое положение дает возможность сделать вывод о том, что компетенция в сфере научно-технического развития отличается от совместных компетенций в других сферах. То есть и государства члены, и Союз имеют равные полномочия в данной сфере. При этом не совсем ясно где же проходит разграничительная линия между компетенциями. В Договоре только к сотрудничеству в целях содействия развитию и гуманитарной помощи применяется схожая (но при этом совершенно не похожая) «гибридная» компетенция. Именно поэтому научно-техническая политика ЕС выражается в регулировании посредством рамочных программ и стратегий развития. Такой механизм регулирования позволяет установить должный уровень и направление научно-технического развития, не ограничивая компетенции государств-членов.

Итак, в большинстве случаев компетенция Союза в сфере научно-технического и инновационного развития получает выражение в рамочных программах. Лиссабонский договор не

²⁷ Там же, параграф 9 Директивы.

²⁸ Winnacker, Ernst-Ludwig. 2012. Europas Forschung im Aufbruch: Abenteuer in der Brüsseler Bürokratie. Berlin University Press. P. 22.

внес фундаментальных изменений в порядок принятия Рамочных Программ. Однако Договор все же изменил определение научно-технического развития от исключительно средства для повышения промышленной конкурентной способности (промышленного потенциала) и достижения целей, заложенных в первичном праве, к научно-техническому развитию как самоцели. Основной целью, определенной в главе 19 ДФЕС (здесь закреплена правовая основа проведения научно-технических исследований и Космоса), является сегодня создание конкурентноспособного Европейского научного пространства, где обеспечены свободное движение исследователей и идей. Договор не определяет, какие меры могут быть предприняты на практике, однако призывает бизнес и исследовательские институты стремиться к высоким показателям работы, поддерживая их взаимодействие и интерес в возможностях единого рынка (п. 2 ст. 179), к которым, в частности, относит увеличение числа договоров на выполнение государственных заказов, выполняемых за счет государственного финансирования, определение общих стандартов и устранение юридических и налоговых препятствий такого взаимодействия. Союз также наделяет компетенцией Совет и Парламент (ст. 182) «устанавливать меры, необходимые для реализации Европейского научного пространства».

Лиссабонский договор также расширил действие статьи 181(2) и прямо определил, что Союз обладает компетенцией устанавливать руководства к действию, осуществлять мониторинг и оценку, и, если это необходимо, содействовать взаимодействию научно-технических мер Союза и государств-членов. Положения этой нормы формируют основной подход Комиссии по оценке эффективности партнерства Союз/государства-члены и определения необходимости принятия регулирующей базы.

В 2010 г. Союз запустил Стратегию развития «Европа 2020». Стратегия имеет своей целью проведение структурных реформ и создание более благоприятных и стабильных условий для развития. Имплементация Стратегии происходит через 7 флагманских инициатив, 4 из которых (инновации, цифровая экономика, промышленная политика и эффективное распределение ресурсов) непосредственно связаны с инновациями и исследованиями. Большинство мер Союза направлены на реализацию инициативы – Инновационного союза²⁹. Например, предложение по созданию европейских инновационных партнерств [European Innovation Partnerships – EIPs] – с целью улучшения координации политик Союза и государств-членов и, как следствие, расширения компетенции Союза.

Присланный библиографический список

1. Ali El-Agraa, *The European Union Economics and Policies*, 8th Edition, Cambridge University Press, Aug 9, 2007.
2. F.Reg Willis, *France, Germany and the New Europe, 1945-67 Hardcover* – July, 1968.
3. GloХлопкова Н. В., Харитонов М. И. Экзогенный и эндогенный экономический рост две разные парадигмы? // *Известия ВолГТУ*. 2014. №4 (131).
4. Grabert, Martin (2005): *EU-Kompakt: Historische, rechtliche und institutionelle Rahmenbedingungen der europäischen Forschungsförderung*, Bonn/Brüssel: Kooperationsstelle EU der Wissenschaftsorganisationen (KoWi), KoWi Paper, Mai 2005.
5. Solow R. *Technical Change and the Aggregate Production Function* / R. Solow // *Review of Economics and Statistics*. 1957. Vol. 39, No. 3.
6. Tindemans Peter, (2009), *Post-war Research, Education and Innovation Policy-making in Europe*, ch. 1 in, *European Science and Technology Policy*, Edward Elgar Publishing.C. 3
7. Winnacker, Ernst-Ludwig. *Europas Forschung im Aufbruch: Abenteuer in der Brüsseler Bürokratie*. Berlin University Press, 2012.
8. Буторина О. В. *Европейская интеграция: учебник*. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011.
9. Майсснер Дирк *Экономические эффекты «Перетока» результатов научно-технической и инновационной деятельности* // *Форсайт*. 2012. № 4.
10. Юмашев Ю. М., Постникова Е. В. *Экономическое право Европейского Союза*. М., 2014.
11. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) (Подписан в г. Париже 18.04.1951) (с изм. и доп. на февраль 1986 г.), ст. 55.
12. Orphan Drugs «Regulation(EC) No 141/2000» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:018:0001:0005:en:PDF> (дата обращения: 20.01.2016).
13. Commission Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, *Europe 2020 Flagship Initiative Innovation Union*, COM (2010) 546 final, October 2010.
14. Council Regulation (EEC) No 1768/92 of 18 June 1992 concerning the creation of a supplementary protection certificate for medicinal products
15. Brussels, 18.1.2000 COM(2000) 6 final Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and The Committee of The Regions towards a European research area.
16. Official Journal C 326 , 26/10/2012 P. 0001 – 0390, Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union – Consolidated version of the Treaty on European Union – Protocols – Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007.

29 Commission Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, *Europe 2020 Flagship Initiative Innovation Union*, COM (2010) 546 final, October 2010.